

Цылина Анастасия Алексеевна

Брауновский университет,
США, Род-Айленд, 02906, Провиденс, ул. Трансит, 230
anastasia_tsyлина@brown.edu

Рец. на кн.: *Вачева А. Потомству Екатерина II: Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Св. Климент Охридски, 2015. 717 с.*

Для цитирования: Цылина А. А. Рец. на кн.: *Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Св. Климент Охридски, 2015. 717 с.* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 164–167. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.115>

Екатерина II — одна из наиболее выдающихся фигур российской истории; попытка проникнуть в ее внутренний мир и осмыслить то, как она оценивала и описывала собственное формирование и предназначение, способна пролить свет на самые разные вопросы культуры, истории и философии. Появление книги Ангелины Вачевой «Потомству Екатерина II: Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы» [Вачева 2015] на русском языке — крайне значимое событие для всех тех, кто изучает историю, литературу и культуру XVIII в.

В этой монографии объединены две автономные, но дополняющие друг друга книги. Первая из них, «„Роман императрицы“. Романский дискурс в автобиографических записках Екатерины II» (название отсылает к одноименному тексту К. Ф. Валишевского (1892)), была издана в 2008 г. на болгарском языке. Вторая книга — «Проблема „просвещенного монарха“ в автобиографии императрицы Екатерины II» — и приложение «Ракурсы прочтения во второй половине XIX века» публикуются впервые. Некоторые фрагменты исследования были ранее изданы в качестве статей в сборнике «XVIII век», в журналах «Новое литературное обозрение» и «Russian Literature».

Необходимо отметить, что «Записки» Екатерины II — наиболее тщательно изученный и прокомментированный текст императрицы. Однако в первую очередь он привлекает внимание историков, а не литературоведов¹, несмотря на то что в последнее время художественное творчество Екатерины стало предметом весьма интересных филологических исследований. Примеры — книга Андрея Зорина «Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века» [Зорин 2016], глава которой «Персонажи августейшего театра» посвящена тому, как именно пьесы императрицы формировали внетекстовую реальность империи и создавали «эмоциональный репертуар стремительно европеизирующейся дворянской элиты» [Зорин 2016, с. 39], или книга Веры Проскуриной «Империя пера Екатерины II: литература как политика» [Проскурина 2017], которая раскрывает механизмы реализации проводимой императрицей внутренней и внешней политики в ее художественных и публицистических текстах. Незаслуженно обойденные вниманием ученых «Собственноручные записки» Екатерины построены по тем же законам «республики писем», что и ее художественные тексты, т. е. на основе симбиоза идеологической (философско-публицистической) и образной составляющих.

¹ Впечатляющим исключением является монография М. А. Крючковой «Мемуары Екатерины II и их время» [Крючкова 2009].

Работа А. Вачевой демонстрирует, что этот написанный на французском языке автобиографический текст немецкого автора, как ни парадоксально, один из наиболее выдающихся текстов русской литературы XVIII в. Мемуары императрицы — сложно сконструированное и художественно обработанное произведение, ключ к другим ее сочинениям, как художественным (пьесы, журнальная и педагогическая проза, переводы), так и публицистическим (манифесты, «Наказ», «Антидот», указы, личная переписка и др.). Текст этот обладает смысловой целостностью; исследователь считает, что он принципиально закончен и выстроен так, чтобы максимально полно осветить духовную эволюцию героини, процесс подготовки ее личности к миссии императрицы — тему, особенно болезненную после Французской революции.

В предисловии А. Вачева сравнивает автобиографию Екатерины с памятными медалями, выпускавшимися в годы ее правления: этот текст стал подобной им формой культурного выражения «сценария власти» императрицы (термин Р. Уортмана) [Уортман 2002]. Как писал в своих «Записках» С. Н. Глинка, «Екатерина сочинила царствование свое» [Глинка 1895, с. 7], и сочиняла она не только свое правление, но и собственную репрезентацию. По мнению Р. Уортмана, «в биографических свидетельствах о русских монархах подчас невозможно отделить „личность“ от „персоны“, поскольку подлинная личность наследника тесно сплетена с тем образом, который он воплощает» [Уортман 2002, с. 24].

В первой книге А. Вачева проводит комплексный анализ нарративных стратегий, построения романного дискурса, поэтики в контексте жанра автобиографии и женской автобиографии в частности, топики в контексте западноевропейского романа, интертекстуальной насыщенности текста (отсылок к романам г-жи Риккобини и Л. Стерна). Литературные приемы становятся способом создания мифа о себе, а также литературной маски, т. е. возможностью сокрытия правды. Как убедительно показывает автор монографии, «литературность екатерининских мемуаров стала своего рода залогом их достоверности» [Вачева 2015, с. 271].

Во второй книге записки Екатерины исследуются в контексте античной литературы (например, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха и «Размышлений» Марка Аврелия), а также символического капитала имен императрицы — Екатерина и София — и культа святой Екатерины. В работе дается подробный анализ образа героини в связи с описаниями взаимоотношений государя и двора, образами Петра III, Елизаветы и Петра I. В приложении рассматривается история рецепции и публикации текста во второй половине XIX в., отдельное внимание уделено судьбе мемуаров в контексте «женского вопроса».

Исследуя смысловой ансамбль екатерининских записок, автор оправданно сочетает разнообразные методы современной филологической науки: текстологию, нарратологию, анализ мотивов, топики и интекстуальных связей, методы рецептивной эстетики, гендерных исследований и др. В своем исследовании автор приводит широкий контекст круга чтения императрицы, ее писем и публицистических сочинений, а также производит тщательную работу по сравнению трех основных редакций екатерининской автобиографии, обнаруживая закономерности правки и анализируя эволюцию текста. Автор показывает, как последовательно Екатерина, редуцируя роль учителей и наставников, выстраивает образ *self-made woman*, женщины, которая управляет собственной судьбой, как постепенно смягчается образ Елизаветы, исключается открытое порицание ее действий, сглаживаются недостатки и, напротив, в образе Петра III ступают краски и последовательно устраняются положительные или нейтральные характеристики.

В названии книги автор переосмысливает знаменитую надпись «Петру I Екатерина II», меняя ракурс исторической перспективы и перенося акцент с преeminence у Петра I на духовное завещание потомкам, которое было призвано служить «гарантом бессмертия» Екатерины [Вачева 2015, с. 11]. В своей книге А. Вачева приводит цитату из письма императрицы, адресованного Фальконе: «Ваша гордая душа хочет одобрения маленького числа знатоков, и почему же именно хотите вы, чтобы то были люди вашего века? Что вам сделали те, которые придут после них, чтобы не хотеть им нравиться? Разве потому что вы их не знаете?» [Вачева 2015, с. 559]. Как полагает исследователь, власть слова Екатерины распространилась над будущим империи и над взглядами последующих поколений на ее историю.

Ключевым в этом контексте, по мнению А. Вачевой, стал образ философа на троне, воплощающего в себе идеальный «союз знания и политики» [Вачева 2015, с. 10] и осуществляющего посредничество между Россией и Западом. Интересна в этом отношении приведенная ею параллель с соперником Екатерины Фридрихом Прусским, не оправдавшим надежды просветителей автором «Антимакиавелли» и потерпевшим поражение в соревновании за звание «философа на троне». Исследователь утверждает: «...форма автобиографии, находящейся вне всяких жанровых парадигм, недавно родившейся и всеобъемлющей, давала ей отличные возможности рассказать и одновременно с этим не досказать „всю“ правду о себе, но представить миру свои философские идеи об идеальном монархе» [Вачева 2015, с. 563].

Как показывает монография, Екатерина во многом срежиссировала последующее восприятие фигур Петра I, Елизаветы и Петра III. Однако главное послание екатерининского завещания было усвоено лишь фрагментарно, а в некоторых случаях воспринято превратно (например, автобиография закрепила репутацию Екатерины как «Мессалины на троне»). А. Вачева ставит интересный вопрос: «почему даже на пороге вечности, в последней редакции автобиографии, адресованной сыну, императрица не указывает категорически его настоящего отца. Екатерина II настаивает именно на преемственности духовной, состоящей в идеях, в национальной перспективе, а не на кровной связи» [Вачева 2015, с. 559]. В мемуарах утверждается принцип передачи власти монарху, достойному своей империи и наследия Петра I, и, возможно, в этом кроется причина того, почему они долго не издавались и не пользовались популярностью у царствующей династии.

Работа А. Вачевой ставит множество интересных вопросов и проблем для современной науки. Книга заставляет пересмотреть границы национальных литератур и переосмыслить факторы, определяющие принадлежность текста к русской литературе. Очевидно, это сочинение, написанное на универсальном французском языке, одновременно принадлежит к нескольким литературным традициям (в данном контексте интересна книга К. Шарфа «Екатерина II, Германия и немцы» [Шарф 2015]) и, несомненно, является частью русской литературы. Другой интересный вопрос связан с особенностями функционирования риторической культуры и выражением с помощью топики и готовых моделей европейского романа индивидуального опыта уникальной личности (вспомним силлогизм о счастье, с которого начинаются записки: конкретные фигуры Петра III и Екатерины служат доказательством универсального правила).

В своей работе А. Вачева пытается осмыслить то, как было воспринято, оценено и усвоено наследие эпохи Просвещения в XIX в. Показательно, что издатель автобиографии Герцен играет двойственную роль и «„цензурирует“ определенные аспекты образов исторических деятелей и значение их государственных актов. Его цель — нанести удар в самое сердце официальной пропаганды, подготовить общественное сознание для своих собственных оппозиционных идей» [Вачева 2015, с. 589]. Вероятно, главные принципы, продекларированные в записках, не были усвоены потомством — ни духовный принцип наследования престола, ни взгляд на роль женщины в истории и политике. Автор приходит к заключению, что «„Собственноручные записки“ Екатерины II выходили за контуры официозного екатерининского мифа и предлагали читателям неожиданные представления о личности своего автора, провоцировали осмыслить происходящие перемены, как в обществе, так и в сознании людей второй половины девятнадцатого столетия, и, может быть, здесь кроется одна из причин их долговременной нелегальности» [Вачева 2015, с. 622]. Этот текст, названный Вачевой «интеллектуальным айсбергом» [Вачева 2015, с. 315] (отсылка к удачной характеристике О. Проскурина пушкинской поэзии) проливает свет не только на прошлое императрицы, ее юность и жизнь при елизаветинском дворе, но и позволяет осмыслить будущее Российской империи. В сущности, не только потомство оценивает Екатерину II, но и сама Екатерина II вершит суд над потомством.

Литература

- Вачева 2015 — Вачева А.И. *Потомству Екатерина II: Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы*. София: Св. Климент Охридски, 2015. 717 с.
- Глинка 1895 — Глинка С.Н. *Записки*. СПб.: Русская старина, 1895. 384 с.
- Зорин 2016 — Зорин А.Л. *Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
- Крючкова 2009 — Крючкова М.А. *Мемуары Екатерины II и их время*. М.: Летний сад, 2009. 461 с.
- Проскурина 2017 — Проскурина В.Ю. *Империя пера Екатерины II: литература как политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
- Уортман 2002 — Уортман Р. *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии*. В 2 т. Житомирская С.В. (пер. с англ.). Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8: Труды по истории).
- Шарф 2015 — Шарф К. *Екатерина II, Германия и немцы*. Карташев И., Лавринович М. (пер. с нем.). М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с. (Studia europaea).

Статья поступила в редакцию 25 октября 2017 г.

Статья рекомендована в печать 20 ноября 2017 г.

Tsyлина Anastasia Alekseevna

Brown University
230, Transit street, Providence, Rhode Island, 02906, USA
anastasia_tsyлина@brown.edu

Book review: Vacheva A. To the ancestors of Catherine II: Ideas and narrative strategies in the empress's autobiography. Sofia: St Clement of Ohrid, 2015. 717 p.

For citation: Tsyлина A. A. Book review: Vacheva A. To the ancestors of Catherine II: Ideas and narrative strategies in the Empress's Autobiography. Sofia: Saint Clement of Ohrid, 2015. 717 p. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 164–167. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.115>

References

- Вачева 2015 — Vacheva A. I. *Potomstvu Ekaterina II: Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To the Ancestors of Catherine II: Ideas and Narrative Strategies in the Empress's Autobiography]. Sofia: St. Kliment Ohridski Univ. Press, 2015. 717 p. (In Russian)
- Глинка 1895 — Glinka S. N. *Zapiski*. St. Petersburg: Russkaia starina Publ., 1895. 384 p. (In Russian)
- Зорин 2016 — Zorin A. L. *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [The Appearance of the Hero: From the History of the Russian Emotional Culture of the Late 18th — early 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russian)
- Крючкова 2009 — Kruchkova M. A. *Memuary Ekateriny II i ikh vremena* [Memoirs of Catherine II and Their Time]. Moscow: Letniy Sad Publ., 2009. 461 p. (In Russian)
- Проскурина 2017 — Proskurina V. Yu. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [The Empire of Catherine II's Pen: Literature As a Politician]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 256 p. (In Russian)
- Уортман 2002 — Wortman R. S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi mornarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]: In 2 vols. Zhitomirskaia S. V. (transl.). Vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I [From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. Moscow: OGI Publ., 2002. 608 p. (Materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury [Materials and Research on the History of Russian Culture]. Issue 8: Tруды по istorii [Works on the History]). (Transl. From English to Russian)
- Шарф 2015 — Scharf C. *Ekaterina II, Germaniia i nemtsy* [Katharina II: Deutschland und die Deutschen [Catherine II, Germany and the Germans]]. Kartashev I., Lavrinovich M. (transl.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 536 p. (Studia europaea). (Transl. from German to Russian)